

Наторп Пауль

Песталоцци

Его жизнь и его идеи

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
П21

П21 **Пауль Н.**
Песталоцци: Его жизнь и его идеи / Наторп Пауль – М.: Книга по Требованию, 2023. –
107 с.

ISBN 978-5-519-98694-6

ISBN 978-5-519-98694-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

О цѣли и планѣ этого сочиненія, особливо о томъ, что оно желаетъ дать новаго, сообщаетъ введеніе. Ново, даже по отношенію къ моимъ работамъ, систематическое изложеніе идей Песталоцци. Но съ моей стороны было бы чрезчуръ искусственнымъ ухищреніемъ стремиться давать новую формулировку въ деталяхъ даже тамъ, гдѣ я уже далъ наилучшую возможную для меня. Поэтому найдутся мѣстами, особливо въ третьей главѣ, буквальныя совпаденія, главнымъ образомъ съ статьею „Педагогика“ Песталоцци“ въ энциклопедическомъ руководствѣ Рейна. Но уже различная группировка часто требовала значительныхъ измѣненій.

Ссылки на сочиненія Песталоцци (съ S) сдѣланы по изданію Зейфарта въ Лигницѣ (1899 сл.); но языкъ Песталоцци по возможности возстановленъ на основаніи первоначальнаго текста. Тамъ, гдѣ это казалось полезнымъ, указаны также параграфы очень распространеннаго изданія Манна. (Langensalza, Beyer и Söhne).

Марбургъ, ноябрь 1908.

ВВЕДЕНИЕ.

Что дѣйствіе Песталоцци на нашъ вѣкъ еще вовсе не исчерпано, а, напротивъ, возрастаетъ, признается теперь многими. Въ педагогическомъ мірѣ его вообще никогда не забывали; и каждому серьезно образованному нѣмцу случалось встрѣчаться съ его трогательной фигурой; въ особенности исторія возвышенія Пруссіи и Германіи, рассказывая о томъ, что было сто лѣтъ тому назадъ, не могла не упоминать о томъ значеніи, которое его имя имѣло тогда для нашихъ предковъ. Но для широкихъ круговъ образованныхъ людей онъ еще недавно остался образомъ почти мноючскимъ; имя его называли съ почтеніемъ, о немъ вспоминали съ чувствомъ, какъ вспоминаютъ о всякомъ настоящемъ человѣкѣ; но врядъ-ли его читали. Повидимому, лишь немногіе испытывали потребность превратить вѣру въ его гениальное величіе въ точное знаніе посредствомъ внимательнаго изученія; иначе трудно понять, почему ни въ исторіи литературы, ни въ исторіи философіи, ни въ политической исторіи, ни въ исторической социологіи онъ до сихъ поръ не оцѣненъ соотвѣтственно своему значенію.

Но, кажется, въ настоящее время въ этомъ направленіи совершается переворотъ. Въ послѣднія десятилѣтія для его изученія сдѣлано такъ много, что уже не приходится проходить мимо этой работы. Сочиненія Песталоцци, благодаря неутомимому рвенію превосходнаго Зейфарта, изданы почти съ исчерпывающей полнотой (хотя въ филологическомъ отношеніи не образцово); библиографія, въ особенности указаніе извѣстныхъ до сихъ поръ писемъ, сильно двинута впередъ не менѣе похвальнымъ усердіемъ Израэля. Почти необозримое множество относящихся къ Песталоцци матеріаловъ изъ его эпохи собрано въ «Pestalozzi-blätter» Гунцингера и «Pestalozzistudien» Зейфарта. Все это доставило чрезвычайно много данныхъ для пополненія и исправленія четырехтомной біографіи, написанной Морфомъ (которая сама представляетъ почти только собраніе матеріаловъ). Такая многосторонняя подготовительная работа помогла автору этой книжечки внести свою лепту въ уразумѣніе и болѣе глубокую оцѣнку этого человѣка, его личности, его достижений и его идей ¹⁾. Далѣе, изъ цѣнныхъ монографій слѣдуетъ назвать: замѣчательное изслѣдованіе Вигета въ «Jahrbuch des Vereins

¹⁾ Добычу моихъ многократныхъ экспедицій въ эту terra incognita можно найти въ удобообозрѣваемой сводкѣ въ моей біографіи Песталоцци и выборкѣ изъ его сочиненій (въ «Классикахъ педагогики» Гресслера) и въ «Gesammelte Abhandlungen zur Sozialpädagogik»; въ самой сжатой формѣ въ статьѣ Рейновскаго Энциклопедическаго руководства къ педагогикѣ («Pestalozzi Pädagogik»).

für wissenschaftliche Pedagogik» (т. 23 и 24); книгу Вальземана о Песталоцциевском методѣ обученія счету (1901); работу Израэля объ институтѣ Песталоцци въ Ифертѣ по бумагамъ Блохмана (1900); переработанную наово книгу Зейфарта о Песталоцци (1904); и наконецъ сочиненіе Лезера: «I. G. Pestalozzi, systematische Darstellung seiner Ideen» (1908), работу, которая мнѣ особенно симпатична, какъ независимое подтвержденіе моего основнаго взгляда на этого человѣка и его идеи. Систематическая выборка изъ сочиненій Песталоцци для широкаго круга читателей появилась въ изданіи Дидериха, другая у Тейбнера. Но до сихъ поръ не доставало краткаго оріентирующаго, по возможности освобожденнаго отъ ученаго балласта, и тѣмъ не менѣе проникающаго глубоко въ суть дѣла, изложенія идей Песталоцци, которое здѣсь главнымъ образомъ имѣется въ виду. Правда, я предпочелъ-бы, чтобы кто-нибудь другой вмѣсто меня взялся за эту благодарную задачу; такъ какъ послѣ всего, что написано мною о Песталоцци, я могу предложить только сокращенное повтореніе сказаннаго раньше. Но такъ какъ изъ всѣхъ живущихъ и работающихъ, я, быть можетъ, наиболѣе занимался Песталоцци, то и не считъ возможнымъ отказаться отъ этой прекрасной обязанности.

Во всякомъ случаѣ, я надѣюсь, въ извѣстномъ смыслѣ, дать и нѣчто новое. Въ вступленіи къ моей работѣ въ руководствѣ Рейна подробно объясняется, почему идеи Песталоцци повидимому не поддаются систематическому, а только историческому, расположенному на біографической канвѣ изложенію. Богатство и жизненность его мыслей, постоянно возникавшихъ непосредственно изъ опытовъ его дѣятельности и творчества, не легко укладываются въ рамки системы; а укладывать ихъ въ эти рамки насильно значитъ, быть можетъ, отнимать у нихъ лучшее преимущество—свободу, съ какой они вытекаютъ изъ жизни. При всемъ томъ Песталоцци серьезно стремился къ связной теоріи и признавалъ ее необходимой, отсутствіе же ея чувствовалъ какъ изъянъ. А что еще важнѣе, его мышленіе было такъ объединено внутреннимъ центромъ, что тому, кто хочетъ понять его основательно, невозможно обойтись безъ попытки реконструкціи его идей изъ ихъ истиннаго центра. Исходя изъ этихъ соображеній, я уже присоединилъ, въ выше названной работѣ, къ подробной исторіи развитія идей Песталоцци сжатый «Очеркъ системы» послѣднихъ. Съ тѣхъ поръ, послѣ неоднократнаго разсмотрѣнія этихъ вопросовъ, я только укрѣпился въ убѣжденіи, что, кромѣ и послѣ историческаго изложенія, систематическое, сдѣланное тамъ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, не только возможно, но и необходимо, если мы хотимъ вступить въ полное обладаніе этой богатой сокровищницей плодотворныхъ мыслей. Поэтому систематика идей Песталоцци, которую я рѣшаюсь дать, какъ результатъ всѣхъ моихъ изслѣдованій, предпринимавшихся до настоящаго времени, должна играть главную роль въ этой книжкѣ, тогда какъ исторія развитія предпосылается ей только въ видѣ краткаго очерка въ первой главѣ. Я думаю пойти этимъ навстрѣчу главнымъ образомъ потребности педагогически заинтересованныхъ читателей, но и вообще всѣхъ тѣхъ, которые желаютъ познакомиться съ Песталоцци не только какъ съ замѣнательнымъ явленіемъ въ исторіи идей, но и съ цѣлью заимствовать у него какъ можно больше для собственнаго употребленія. Для этого требуется изложеніе, которое-бы давало возможность усвоить логическую

связь его идей. Для социолога и историка и вообще для всякого, кому приходится имѣть дѣло не столько съ формой, сколько съ содержаніемъ идей Песталоцци, наконецъ, даже для того, кто цѣнитъ литературную форму ученія (которая можетъ быть только формой его содержанія, и иначе даже не представима), такое изложеніе, хотя бы оно возбуждало подозрѣніе въ искусственной «конструкціи», будетъ желательнымъ, по крайней мѣрѣ, въ смыслѣ болѣе легкаго обзора. Но какъ всецѣло эта систематика вытекаетъ у меня изъ историческаго и біографическаго изслѣдованія, въ томъ, я надѣюсь, убѣдится всякій, кто возьметъ на себя трудъ сравнить ее съ изложеніемъ, въ основу котораго положена исторія развитія, въ руководствѣ Рейна.

Г Л А В А I.

Жизненный путь Песталоцци и исторія развитія его идей.

§ 1. (Исторія юности). Іоганнъ Генрихъ Песталоцци, изъ итальянской семьи, поселившейся и натурализовавшейся въ Цюрихѣ еще въ эпоху реформации, родился въ этомъ городѣ 12 января 1746 г. Его отецъ, Іоганнъ Баптистъ, хирургъ и глазной врачъ, умеръ всего 33 лѣтъ отъ роду 1751; такъ что мальчикъ съ двумя сестрами былъ воспитанъ матерью (Сусанна, урожденная Гоцъ) и вѣрной служанкой (Барбара Шмидъ: «Бабели») въ скромной, почти бѣдной обстановкѣ. Его крайняя, легко эксплуатируемая ловкими людьми, довѣрчивость и кажущееся легкомысліе—въ дѣйствительности скорѣе беззаботное отношеніе къ вышнимъ и маловажнымъ вещамъ, объясняемое ранней интенсивной внутренней работой.—пріобрѣло ему уже среди школьныхъ товарищей насмѣшливое прозвище «чудака Гейри» («Heiri Wunderli von Thorliken»). Хотя онъ не былъ образцовымъ ученикомъ, но быстро и ревностно усваивалъ главные предметы преподаванія и потому, въ общемъ считался по меньшей мѣрѣ въ числѣ лучшихъ учениковъ. Пробывъ нѣсколько лѣтъ въ нѣмецкой элементарной школѣ, онъ прошелъ 1754—1761 латинскую школу, 1761—1769—*Collegium humanitatis*, а затѣмъ посѣщалъ, посвященный главнымъ образомъ подготовкѣ теологовъ, болѣе приближавшійся по характеру къ академіи, *Collegium Carolinum*, въ которомъ прошелъ, до осени 1763, оба младшіе курса, филологическій и философскій, но не слушалъ третьяго, теологическаго. Изъ его учителей сильнѣйшее влияние оказали на него Бодмеръ, чело-вѣкъ, который не ограничивался преподаваніемъ обязательнаго учебнаго матеріала, но старался лично воздѣйствовать на учениковъ, готовя изъ нихъ для отечества достойныхъ гражданъ въ духѣ античной свободы. Съ той же дѣлью многіе серьезно-настроенные, вышедшіе изъ школы Бодмера, молодые цюрихцы составили фереинъ, «Гельветское Общество у скорняковъ» («*Helvetische Gesellschaft zur Gerwe*»), названное такъ по дому кожевеннаго цеха, въ которомъ происходили собранія. Членомъ этого ферейна былъ и Песталоцци вмѣстѣ съ своими друзьями Лафатеромъ, Фюсли, Блюнчли и др. Собирались еженедѣльно, чтобы сообща читать и обсуждать доклады членовъ по вопросамъ исторіи, политики, морали и педагогики. Когда этотъ фереинъ, съ самаго

начала возбуждавшій недоброжелательство городскихъ властей своимъ рѣзко демократическимъ направленіемъ, былъ закрытъ въ 1767 году въ связи съ политическими безпорядками, юный Песталлоцци тоже возбудилъ серьезное подозрѣніе въ опасныхъ замыслахъ; онъ былъ арестованъ, но признанъ невиновнымъ и отпущенъ съ строгимъ предостереженіемъ. Въ періодическомъ изданіи «Напоминатель» (Der Erinnerer), выходившемъ подъ редакціей одного изъ члена ферейна, были помѣщены нѣсколько афоризмовъ, озаглавленныхъ «Желанія» (Wünsche), написанные Песталлоцци, въ которыхъ онъ требуетъ, въ числѣ другихъ общепользныхъ вещей, безыскусственной системы преподаванія для простыхъ горожанъ и крестьянъ. Значительнѣе и гораздо характернѣе для его тогдашняго политическаго направленія статья «Агисъ», напечатанная вмѣстѣ съ отрывкомъ перевода 3-ей Олинской рѣчи Демосфена въ «Линдаускомъ журналѣ» 1766 безъ подписи автора. Эта статья свидѣтельствуешь не только о серьезныхъ занятіяхъ Песталлоцци исторіей и политикой древности (Демосфенъ, Плутархъ), но и о положительно революціонномъ направленіи. Послѣднее объясняется сильнымъ вліяніемъ сочиненій Руссо, которые тогда были еще новинкой, и какъ во всемъ мірѣ, такъ въ особенности въ Швейцаріи вызвали глубокое броженіе.

Идеи Руссо не остались безъ вліянія также на призваніе Песталлоцци. Рано отказавшись отъ своего первоначальнаго намѣренія изучать теологію, онъ одно время серьезно подумывалъ подготовиться посредствомъ изученія юридическихъ наукъ къ политической карьерѣ, въ роли защитника народныхъ правъ. Его другъ Блюнчли отклонилъ его отъ этого намѣренія, убѣдивъ Песталлоцци, что для подобной роли ему слишкомъ не хватаетъ спокойнаго, хладнокровнаго знанія людей и дѣлъ. Но и остановивъ свой выборъ на скромномъ призваніи сельскаго хозяина, онъ «не отдѣлялъ моральныхъ плановъ и любви къ отечеству» (какъ онъ пишетъ 1771 Гирцелю) отъ своего рѣшенія; именно, онъ рассчитывалъ, что устроивъ доходное хозяйство въ своемъ имѣніи, получить возможность содѣйствовать подъему народнаго образованія и народнаго хозяйства въ окружающей мѣстности. Его укрѣпляло въ этомъ рѣшеніи желаніе поскорѣ ввести въ свой домъ любимую дѣвушку, Анну Шультгесъ («Нанетта»), съ которой его сблизила общая печаль о рано умершемъ Блюнчли, пользовавшемся также и ея расположеніемъ, и любовь которой онъ приобрѣлъ. Но онъ не могъ надѣяться получить руку зажиточной, красивой и образованной дочери купца, если-бъ ему не удалось добиться въ скоромъ времени благосостоянія; всего скорѣе онъ рассчитывалъ достигнуть его посредствомъ сельскаго хозяйства. Необходимыя спеціальныя знанія доставилъ ему уважаемый бернскій гражданинъ Рудольфъ Чиффели, владѣвшій большимъ имѣніемъ въ Кирхбергѣ близъ Бургдорфа; у него Песталлоцци провелъ очень счастливое время (отъ осени 1767 до весны 1768), усердно занимаясь хозяйствомъ. Вернувшись затѣмъ въ Цюрихъ, онъ купилъ, главнымъ образомъ на занятые деньги, вообще не неподходящій для его плановъ, но чрезчуръ большой и потому слишкомъ дорогой для его средствъ, отъ тѣхъ поръ почти не обработывавшійся, кусокъ земли по близости отъ Бругга, въ Бернской области, въ позднѣйшемъ кантонѣ Ааргау, неподалеку отъ Габсбурга, и принялся заводить на немъ хозяйство. Послѣ тяжелой борьбы ему удалось (осенью 1769) обвѣнчаться съ своей невѣстой. Поселился

онъ, пока построенный на его участкѣ домъ, «Нейгофъ» («Новый дворъ», весною 1771) не сдѣлался обитаемымъ, въ Мюлигенѣ. Сохранившаяся, изданная Зейфартомъ, переписка двухъ влюбленныхъ даетъ возможность ознакомиться съ настроеніемъ Песталоцци и всей его дѣятельностью во время этихъ учебныхъ годовъ. Онъ вовсе не является въ этихъ письмахъ впечатлительнымъ мечтателемъ, какимъ обыкновенно представляютъ его себѣ на основаніи его позднѣйшихъ авто-характеристикъ; напротивъ, онъ обнаруживаетъ удивительное для его молодости знаніе людей и вещей, рѣшительную, часто черезчуръ упорную, дѣятельность; правда, также и пылкую, иногда доходящую до бурнаго возбужденія впечатлительность. Его манера писать въ высшей степени живая, иногда бурная, иногда возвышенная, а затѣмъ снова мило шутливая; короче сказать, юношеская, приближающая его, въ лучшія минуты, къ молодому Гете. Не менѣе цѣнны письма Анны Шультгесъ. Ихъ взаимная любовь—самого высокаго и чистаго типа, и осталась такою въ теченіе всей ихъ тяжелой жизни.

§ 2. (Школа для бѣдныхъ въ Нейгофѣ). Надъ родившимся 1770 сыномъ, Гансомъ Якобомъ («Якели»), Песталоцци могъ производить свои первые опыты воспитанія. Цѣнные Дневники и его наблюденій и опытовъ надъ четырехлѣтнимъ мальчикомъ (1774) ясно обнаруживаютъ вліяніе Руссо на основные принципы его воспитанія. Наглядное обученіе идетъ впереди словеснаго; сначала видѣть, слышать и дѣйствовать, потомъ судить и заключать. Постоянный, непрерывный прогрессъ образованія; «порядокъ, точность, законченность, совершенство» во всемъ; находить самому все, что въ состояніи найти самъ; учиться подъ руководствомъ «природы», за которой учитель «тихо и спокойно, почти непримѣтно, скользить съ слѣдующимъ за ней искусствомъ»: это порождаетъ бодрость и веселье, безъ которыхъ ученіе не стоитъ ни полушки. Послушаніе необходимо (противъ Руссо!), но оно должно основываться на свободномъ довѣріи, на порожденномъ опытомъ увѣренности въ любви и умственномъ превосходствѣ учителя.

Значительное расширеніе и углубленіе его педагогической критики явилось косвеннымъ результатомъ быстрого крушенія его сельско-хозяйственного предпріятія. Самъ по себѣ его планъ впрочемъ не былъ неразуменъ. Но уже при покупкѣ земли его обошелъ нѣкій Мерки, вкравшійся въ его довѣріе посредствомъ кое-какихъ, оказанныхъ при этомъ, дѣйствительныхъ услугъ. Вообще Песталоцци никогда не былъ хорошимъ счетчикомъ. Къ этому прибавились плохіе урожай и другія непредвидѣнныя затрудненія; понятно, поэтому, что банкирскій домъ, оплатившій большую часть издержекъ и не получившій ожидаемой прибыли, потребовалъ свои деньги обратно. Но Песталоцци, обремененный долгами, не могъ одинъ продолжать и безъ того труднаго предпріятія. Эта неудача должна была вдвойнѣ удручать его, отнимая всякую надежду сдѣлать что-нибудь для облегченія народной нищеты, которую онъ ежедневно могъ наблюдать вокругъ себя и принималъ ближе къ сердцу, чѣмъ собственныя неудачи. Въ такой крайности у него явилась мысль, что онъ можетъ помочь разомъ бѣдному народу и себѣ, превративъ свое имѣніе въ пріютъ для воспитанія бѣдныхъ дѣтей. Дѣти должны были учиться подъ его руководствомъ прежде всего работамъ; посредствомъ этой общей работы — бумагопряденіе и бумаготкачество, въ связи съ простыми полевыми работами, главнымъ образомъ огород-

ничествомъ —пріютъ, разъ налаженный, долженъ былъ вскорѣ начать самъ содержать себя, причемъ его питомцы пользовались бы благомъ простой, но согрѣтой любовью семейной жизни, и подготавлились бы къ тому образу жизни, который предписывало имъ ихъ положеніе.

Планъ былъ не только превосходенъ по цѣли, но и самъ по себѣ вполне исполнимъ. Песталоцци встрѣтилъ среди своихъ близкихъ сочувствіе и вначалѣ дѣятельную помощь. Такимъ образомъ въ 1774 г. онъ могъ открыть пріютъ. Но слишкомъ скоро выяснилось, что ему не справиться съ этимъ дѣломъ. Требовались сверхчеловѣческія силы, чтобы управиться, кромѣ главной задачи—воспитанія—съ полевымъ хозяйствомъ, фабрикаціей, торговлей, и огромнымъ домашнимъ хозяйствомъ, въ которомъ жили до 50 нищихъ дѣтей. Ему необходимы были помощники хотя бы только для внѣшнихъ дѣлъ и счетоводства. Особенно вреднымъ оказалось то, что безъ поддержки со стороны властей, которой онъ тѣтно добивался, невозможно было заставить дѣтей оставаться въ пріютѣ; большинство ихъ, пробывъ нѣкоторое время, уходило, не возмѣстивъ издержекъ и хлопотъ. Такимъ образомъ, планъ, согласно которому заведеніе должно было само содержать себя трудомъ питомцевъ, естественно, оказался неисполнимымъ. По всѣмъ этимъ основаниямъ неудача опыта была неизбежной. Съ крайнимъ напряженіемъ силъ, онъ протянулъ его еще нѣсколько лѣтъ; но въ концѣ концовъ, въ 1780 году, долженъ былъ, съ обливающимся кровью сердцемъ, распустить свой пріютъ, и такимъ образомъ потерпѣлъ полное крушеніе.

Въ нѣсколькихъ небольшихъ статьяхъ, которыя горячо заинтересованный его начинаніемъ Изелингъ, въ Базелѣ, помѣстилъ 1777 и 1778 въ своемъ журналѣ «Эфмериды человѣчества», Песталоцци подробно излагаетъ свой планъ и сообщаетъ о его осуществленіи. Основная мысль, высказана ясно: бѣдный долженъ воспитываться для своего положенія. Комната, въ которой онъ воспитывается, должна по возможности походить на ту, въ которой онъ современемъ будетъ жить, тогда какъ въ большинствѣ общественныхъ заведеній, мы находимъ какъ разъ противоположное. Рѣшающіе вопросы таковы: 1) Можетъ-ли работа бѣдныхъ дѣтей доставить настолько высокій доходъ, чтобы подобное заведеніе могло содержать себя? и 2) Допустимо-ли подчинять воспитаніе бѣдныхъ духу промышленности? Какое вліяніе окажетъ соединеніе промышленности съ воспитательнымъ учрежденіемъ на позднѣйшее семейное состояніе воспитанныхъ такимъ образомъ бѣдняковъ, на ихъ нравственность, на ихъ тѣлесную силу и на земледѣліе? На оба вопроса Песталоцци считаетъ возможнымъ отвѣтить въ благоприятномъ смыслѣ, уже на основаніи своего несовершеннаго опыта. Особенно и безусловно необходимымъ признаетъ онъ воспитаніе для промышленной работы. Развитіе промышленности уже на липо и затормозить его невозможно. Бѣдный уже несетъ на себѣ всѣ вредныя стороны фабричнаго режима; теперь дѣло идетъ о томъ, чтобы доставить ему возможно большую выгоду отъ этого, для чего требуется не отправлять его на лучшую ближайшую фабрику, «гдѣ они употребляютъ при машинахъ въ нездоровомъ воздухѣ, гдѣ они ничего не слышатъ о долгѣ и нравственности, гдѣ ихъ голова, сердце и тѣло уродуются, или по крайней мѣрѣ, остаются неразвитыми и невразумительными», а использовать, «связанную съ фабричною индустріей большую производительность человѣческой работоспособности, какъ средство осуществленія истинныхъ, настоящихъ

воспитательныхъ учреждений, удовлетворяющихъ всѣмъ потребностямъ человѣчества». Ибо самъ по себѣ человѣкъ «при всякихъ обстоятельствахъ и при всякихъ работахъ одинаково способенъ быть руководимымъ къ добру... Только сердце руководить сердцемъ... Прясть или ткать, сесть, ткать или пахать, все это само по себѣ не дѣлаетъ ни нравственнымъ, ни безнравственнымъ»... Существеннымъ условіемъ является лишь то, чтобы прибыль не составляла единственной конечной цѣли индустріи, а только средство для достиженія истинной конечной цѣли воспитанія.—Почти тотъ-же ходъ мыслей привелъ поль-вѣка спутія великодушнаго социалиста Роберта Оуэна, къ предпринятой на болѣе солидныхъ хозяйственныхъ основаніяхъ попыткѣ въ подобномъ же направленіи. Въ Песталоцціевскомъ заведеніи, соотвѣтственно его цѣли, на первомъ планѣ стояло ремесло; чтеніе, письмо, счетъ тоже преподавались, но онъ считалъ нужнымъ откладывать ихъ по крайней мѣрѣ до девятаго года. Нравственное преподаваніе заключалось «въ болѣе частыхъ случаяхъ не къ наставленію учителя,» но «въ участливомъ наставленіи отца семейства, пользующагося всѣми представляющимися случаями, въ которыхъ онъ участвуетъ вмѣстѣ съ ними, а они вмѣстѣ съ нимъ». Трогательно читать въ этихъ сообщеніяхъ, какъ Песталоцци занимается индивидуальностью каждаго изъ своихъ питомцевъ, съ какой неутомимой заботливостью относится онъ къ самымъ испорченнымъ, къ самымъ жалкимъ, къ самымъ неспособнымъ, до слабоумныхъ включительно, и какъ онъ счастливъ, когда замѣтитъ хоть какой-нибудь прогрессъ. «Я жилъ», говорилъ онъ позднѣе объ этомъ времени, «цѣлые годы въ кругу пятидесяти слишкомъ нищихъ дѣтей, дѣлилъ съ ними въ бѣдности мой хлѣбъ, самъ жилъ какъ нищій, чтобы учиться побуждать нищихъ жить какъ люди».

Крушеніе великодушно задуманнаго предпріятія должно было поразить его еще тяжелѣе, чѣмъ его первая, чисто личная, неудача. Правда, его вѣра въ то, къ чему онъ стремился, ни на минуту не поколебалась. Но свѣтъ уже не вѣрилъ ему. «Хочетъ помогать другимъ, а не можетъ помочь самому себѣ»: эту вѣчную вымышку мірской мудрости надъ самоотверженной любовью ему приходилось слышать не разъ. Даже его лучшіе друзья не хотѣли больше помогать ему; они считали рѣшеннымъ, что онъ долженъ кончить свои дни въ госпиталѣ или даже въ домѣ сумасшедшихъ. Только Изелинъ остался ему вѣренъ, и убѣждалъ его, что «въ важныхъ вещахъ мужественныя усилія, если даже они не приводятъ сразу къ цѣли, должны имѣть отдаленныя хорошія послѣдствія». И дѣйствительно, «отдаленныя хорошія послѣдствія» не преминули явиться; косвеннымъ послѣдствіемъ дѣятельности Песталоцци явились въ Швейцаріи такъ называемыя школы Верли, стремящіяся осуществить именно то, чего онъ добивался въ своемъ пріютѣ.

Свое имѣніе онъ могъ сохранить, только продавъ большую часть земли родственникамъ, чтобы съ помощью вырученныхъ за нее денегъ хоть отчасти удовлетворить своихъ кредиторовъ. Остатокъ онъ отдалъ въ аренду, пока его сынъ еще не могъ хозяйничать. Привести въ порядокъ его разстроенное домохозяйство помогала ему превосходная дѣвушка. Элизабетъ Нефъ («Лизаветъ»), которая около этого времени добровольно поступила къ нему въ домъ простой служанкой и постепенно вполнѣ сжилась съ семействомъ Песталоцци. Она послужила моделью для «Гертруды» въ романѣ Песталоцци. Позднѣе другой базельскій другъ, Фе-

ликъ Баттіеръ умѣло взялся за поправку его хозяйственныхъ дѣлъ. Послѣ того была устранена хоть настоящая нужда, и такимъ образомъ Песталоцци могъ безпрепятственно посвятить 18 лѣтъ своего недобровольнаго досуга (1780—1798) литературнымъ работамъ.

§ 3. («Вечерній часъ»). За время своего неудачнаго опыта онъ узналъ бездну новаго. Прежде всего у него какъ бы само собой явилось основательное знаніе народа въ его бѣдственномъ положеніи и его глубоко зарытой силы, а также средствъ и путей, какими возможно ему помочь. Все это онъ долженъ былъ высказать, и какъ только онъ взялся за перо, матеріалъ явился самъ собой. Такъ возникли въ короткое время (оставляя въ сторонѣ побочныя работы) два высокой важности произведенія: «Вечерній часъ» и книга для народа «Лингардъ и Тертруда».

Вечерній часъ отшельника появился въ Эфемеридахъ, въ маѣ 1780; это родъ монолога въ формѣ глубокомысленныхъ афоризмовъ, въ которыхъ онъ пытается изъяснить себѣ назначеніе человѣка, и основные законы его образованія. Уже здѣсь вполнѣ опредѣленно высказана основная мысль, что только «внутри природы» человѣка лежитъ основаніе той истины, которая для него пригодна, въ которой онъ нуждается для своего правильнаго образованія. Изъ этой первой предпосылки слѣдуетъ всеобщность образованія въ двойномъ смыслѣ, а именно: основная сила образованія сама по себѣ во всѣхъ одна и та же, и во всѣхъ ей слѣдуетъ по возможности обезпечить здоровое развитіе. Отсюда слѣдуетъ, далѣе, — что утверждалъ уже Руссо — необходимость подчиненія профессиональнаго образованія общему человѣческому образованію. Это высказано уже въ «Вечернемъ часѣ» и вообще во всѣхъ документахъ, относящихся къ тому времени, настолько ясно, что надо признать совершенно ошибочнымъ мнѣніе, будто Песталоцци въ этотъ первый періодъ вообще интересовался только профессиональнымъ образованіемъ низшаго класса, и лишь со времени Станца и Бургдорфа сталъ думать объ общемъ «гуманномъ» образованіи. — Второй главный факторъ человѣческаго образованія есть «положеніе» человѣка, «отношенія» или «обстоятельства» въ которыхъ онъ находится. Это превосходнѣйшія средства развитія дремлющихъ въ самомъ человѣкѣ силъ. Правда, внѣшнее положеніе человѣка, какимъ онъ его находитъ, оказывается препятствующимъ развитію его задатковъ по меньшей мѣрѣ столь-же часто, какъ и содѣйствующимъ; но въ его власти придать ему такой характеръ, чтобы оно содѣйствовало его образованію. Сама нужда становится его учителемъ; она побуждаетъ его употреблять въ дѣло свои силы и развивать ихъ посредствомъ употребленія; такимъ образомъ онъ постепенно становится хозяиномъ своего положенія. Подобно тому, какъ человѣкъ вообще самъ является создателемъ своей высшей, особливо своей нравственной, жизни, и въ этомъ смыслѣ (по позднѣйшему выраженію) «своимъ собственнымъ твореніемъ» («Werk seiner selbst»), такъ и внѣшнія формы жизни, въ которыхъ и посредствомъ которыхъ онъ образуется, въ послѣднемъ счетѣ есть его собственное твореніе. Таковы разнообразныя формы человѣческаго общенія, отъ самой тѣсной, черезъ все болѣе и болѣе широкія, до высшей, рода человѣческаго подъ властью небеснаго Отца. Этотъ послѣдовательный рядъ формъ общенія — одна изъ глубочайшихъ и мно-